

М.Н. Громов

Образ Софии Премудрости в русской философии и культуре

Не случаен возрастающий интерес к одной из доминант нашей культуры – к возвышенному образу Святой Софии Премудрости Божией, который связует сакральное с эстетическим, премудростное с нравственным, эзотерическое с яркой выразительностью, сокровенное с понятными для всего народа воплощениями.

Этот образ связует также местные автохтонные традиции с мировой культурой, с христианским миром, с древнейшими цивилизациями Востока, с началом человеческой истории, ибо он является одним из наиболее укорененных архетипов общечеловеческого сознания. В различных вариациях женский образ Премудрости, Устроительницы, Покровительницы присутствует в мифологии, религии, культуре многих народов Земли. Это обязывает со всей серьезностью, объективностью и вниманием отнестись к русской интерпретации Святой Софии.

Сквозной и необычайно насыщенной сложным содержанием темой проходит через всю отечественную историю образ Софии Премудрости Божией. Ни в какой иной культуре он не представлен так широко и разнообразно. Стоят посвященные Святой Софии величественные кафедральные соборы Киева, Новгорода, Полоцка, Вологды, Тобольска. Два храма во имя Святой Софии сохранились в Москве, один из них с высокой поздней колокольной расположен на Софийской набережной напротив Кремля. Одновременно София предстает в роли особого иконографического образа во фресковой живописи, иконописи, миниатюре, шитье, пластике. Она

же является центральным или одним из главных образов целого круга литературных произведений, ей посвящены возвышенные песнопения и проникновенные молитвы. Сверх того, София Премудрость выступает одной из важнейших доминант русской мысли, имеет глубокий философско-символический смысл, содержит невыразимую в категориях абстрактного мышления эзотерическую таинственность и притягательную силу.

Образ Святой Софии Премудрости восхищает своим эстетическим совершенством. В каких бы воплощениях он ни являлся – храма, иконы, литературного образа, философемы, – он неизменно сияет мерцающим отблеском высшей духовной красоты. Прекрасен лик горней Премудрости, перед которым склоняется, по убеждению древнерусских авторов, вещная, тварная, телесная красота. Многих художников прошлого вдохновлял он на создание великолепных произведений, на творческое горение, на беззаветное служение истине.

Красноречиво повествуется об этом в жизнеописании Константина-Кирилла Философа, «первого наставника и учителя славянского народа»¹, стоящего у истоков не только болгарской и всей южнославянской православной, но и древнерусской культуры, издавна почитавшегося на Руси. В III главе пространного жития Константина-Кирилла паннонской редакции, приписываемого Клименту Охридскому², содержится описание многозначительного эпизода, называемого в отдельных списках «Видение» (вещий сон). Стратиг града Солуни повелел отроку выбрать себе невесту из многих красивых сверстниц, собрав их вместе. «Аз же глядав и смотрив всех, видех едину краснейшу всех, лицом светящуюся и украшену велми монисты златыми и бисером и всею красотою, ей же бе имя София, сиречь Мудрость», – говорит он родителям. Те же отвечают словами, заимствованными из Книги Притч и Премудрости Соломона, о ценности знания, о мудрости, сияющей сильнее, чем солнце³.

Обручение с Софией, столь красочно и проникновенно описанное в пророческом сне юного Константина, определило всю его дальнейшую жизнь⁴. Он восхищается своими успехами в ученье, отвергает мирские забавы, целиком сосредотачиваясь на духовной деятельности, особенно в постижении словесных наук. Юноша сам наполняется внутренней духовной красотой, которая привле-

кает к нему людей. Он замечен, «о красоте его, и мудрости, и прилежании в науках» узнают при дворе византийского императора, куда он призывается для получения лучшего по тем временам образования в Магнаврской высшей школе, называемой иногда Константинопольским университетом.

И вновь судьба испытует юношу. Логофет Феоктист, занимающий высший придворный чин, предлагает Константину брак с богатой, знатной и красивой девицей, ведущий к светской карьере, – ей благоволит сам император. Константин избирает иной путь: он постригается в первый священнический чин, становясь дьяконом и патриаршим библиотекарем при Святой Софии, главном храме не только Византии, но всего православного мира. В душе он остается верен своему отроческому обручению, верен своей избраннице Софии, которая незримо сопровождает его до конца жизненного пути.

Особенностью средневековых произведений, словесных и живописных, музыкальных и архитектурных, является то, что наряду со внешним, событийным, эмпирическим, чувственно-осязаемым уровнем организации материала и пространства они содержат внутренний, символический, чувственно не воспринимаемый, видимый лишь «духовными глазами» сокровенный смысл. Сквозь словесный текст жития славянского первоучителя проступает глубоко назидательная притча о союзе человека с Мудростью: Константин родился в граде Солуни, находящемся под покровительством местного Софийского храма; приведен промыслом к Святой Софии Константинопольской, высшему духовному средоточию Византии; позднее был назван Философом, ибо не буквально (что явствует из этимологии слова), а всем своим существом возлюбил Софию, ставшую для него превыше всех благ земных. Не случайно именно Константин дал первое определение философии на славянском языке и сообщил славянской речи такие понятия (естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие, идея и др.), без которых немислимо развитое мышление⁵.

В славянской письменности сохранилось большое количество произведений (основная их масса – древнерусские), в которых описывается жизнь и духовный подвиг св. Константина-Кирилла, упоминается его имя вместе с именем брата Мефодия. В Похвале славянским первоучителям, по болгарскому пергаменному списку

XIV в. из русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, св. Константин по эстетической традиции, восходящей к античности, сравнивается с неутомимой пчелой, влагающей в человеческие души сладостный мед высшего разума: «Весь мир претекова дельть яко пчела, богоразумия мед пречистый в срдца влагая»⁶.

На Руси Епифаний Премудрый, описывая просветительскую деятельность св. Стефана Пермского, создавшего зырянскую азбуку, сравнивает подвижническую суть его трудов с подвигом первоучителя: «Тамо Кирил, zde же Стефан, оба сиа мужа добра и мудра быста, и равно суца мудрованием, оба одинако равны подвиг обависта...»⁷ Имя Кирилла Философа присутствует в самых ранних русских рукописях: «Остромировом Евангелии» (под 14 февраля – днем памяти), «Изборнике 1073 года» (в статье о чтении книг), «Повести временных лет» (в рассказе о моравской миссии солунских братьев). Его имя на Руси неразрывно связано с Софией Премудростью, ибо она «сзда в срдци его храмь себе»⁸. Он же сам определил характерный для региона православной традиции Slavia orthodoxa тип мыслителя – не ученого схоласта, кабинетного затворника, но пламенного проповедника, просветителя, народного наставника, обращенного к людям подвижника идеи, что стало главной линией отечественного любомудрия⁹.

Столь же неотделимым от образа Софии Премудрости является в древнерусской традиции имя киевского князя Ярослава, прозванного Мудрым. Рассказ о его обширной просветительской деятельности, красочно описанный в «Повести временных лет» под 1037 годом, органично переходит в восторженный гимн знанию, мудрости, книге, один из самых ярких в древнерусской литературе. В композиционный центр славянского панегирика умело вписаны слова из библейской похвалы горнему знанию: «Аз, Премудрость, вселих свет и разум и смысл аз призвах ... Мои съвети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость. Мною цесаревице царствуют, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и учителя держать землю. Аз любящая мя люблю, ищущи мене обрящуть благодать»¹⁰.

Как воздвижение «дома Премудрости» было воспринято современниками построение Ярославом храма Святой Софии Киевской. Он же укрепил город, поставил Золотые ворота, уподобив славянскую столицу византийской. Храм как духовное средоточие,

как глава града, а град как единение людей имеют в средневековой семантике особый смысл. Образ города с крепкими стенами, с вознесенным над ним храмом, был символом устойчивого, огражденного от внешних сил, устроенного на благо бытия. Этот образ широко представлен в древнерусском искусстве, разнообразно варьируясь и своеобразно накладываясь на изображения реальных городов, крепостей, монастырей Древней Руси.

Иларион в «Слове о Законе и Благодати» помещает торжественную похвалу Ярославу, которая, возможно, прозвучала впервые под сводами Св. Софии. Деяния сына Владимира, крестившего Русь и введшего ее в семью цивилизованных народов, сравниваются с деяниями мудрого библейского царя Соломона, сына легендарного Давида, и прежде всего с построением им Иерусалимского храма: «Акы Соломон окончил дела Давда, иже дом Божий великийи святыи Его Премудрости създа». Если раньше «тайная премудрости Божии утаена бяаху», то теперь она предстала перед новопросвещенными русичами во всем своем величии и красоте. Духовная красота Св. Софии отражается в ее сверкающем великолепии, ибо храм был украшен на диво всем народам и странам: «Всякою красотою украси, златом и серебром, и камениемъ драгим, и съсуды честными, яже церкви дивна и власна всем округниим странам»¹¹.

Среди многих функций, выполнявшихся Киевской Софией, которая была и митрополичьим храмом, и книгохранилищем, и местом приема послов, и пантеоном, где в мраморном саркофаге был погребен ее строитель Ярослав Мудрый, она играла роль сокровищницы искусств в их органическом синтезе. То, что сейчас раздельно представляют театр, музей, картинная галерея, филармония, было объединено единым действием храмового служения. Если вспомнить о раздававшемся под сводами Св. Софии пении, о торжественно звучащих проповедях, о таинственно мерцающих мозаиках и дымчато проступающих фресковых росписях, о разноцветных иконах, переливающихся одеяниях, многоценной утвари, об облаченных в оклады книгах, об особой обонятельной атмосфере – и все это соотнести с внутренней и внешней организацией пространства, с искусной обработкой использованных материалов, то можно представить, какое мировоззренческое и эстетическое воздействие производила на древнерусских людей София,

высившаяся посреди Киева как бесценный палладиум, игравший для славянской столицы не меньшую роль, чем Парфенон для древних Афин или Св. София для Константинополя.

В свое время русским людям, посещавшим Константинопольскую Софию, казалось, что они пребывали на небесах, так сильно было воздействие этого храма¹². «И приходом же в Греки, и ведошныи, идеже служить Богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая...» Теперь подобные святилища появились на Руси, сначала в Киеве, затем в Чернигове, Новгороде, Смоленске и других городах. Сеть софийских храмов покрывала греческие и славянские земли, они украшали Солунь, Мистру, Никею, Трапезунд, Охрид и другие города греко-славянского православного мира. В честь древнего храма Света София получила свое имя новая болгарская столица.

Образ Премудрости явился новопросвещенным древнерусским людям и со страниц переведенных книг, прежде всего канонических. Апостол Павел, говоря об иудеях, ждущих чудес от новой христианской веры, и об эллинах, ищущих от нее премудрости, называет Христа «Божией Премудростью» (1 Кор 1, 24). Смысл этой Премудрости сокровен и непостижим. По его словам, «мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор, 2, 6–7).

Наряду с первоначальным отождествлением в христианстве Премудрости с Христом как Логосом, божественным Словом, имеются иные ее трактовки: как одного из божественных свойств, как самогo христианского вероучения, как риторической премудрости слова у того же апостола Павла, как одного из служебных духов, «духа премудрости и разума» у пророка Исаии (Ис II, 2), или как Богородицы. Полисемантика, сложность и несовпадающие трактовки изначального смысла этого общечеловеческого архетипа заставляют хотя бы вкратце осветить историю его возникновения, вскрыть генезис наслоившихся на него восточных и античных мифологем¹³.

Впервые термин σοφία встречается у Гомера в «Илиаде» (песнь 15, ст. 410–413), где он обозначает мудрость, проистекающую от Афины Паллады. Родившаяся из головы Зевса, девственная прекрасная богиня предстает как «многодаровитая мать ху-

дожеств», устроительница и защитница городов, «Гра-додержица» (Πολιούχος). Божественной мудростью именует Софию Платон (Федр, 278). Категориальный анализ Мудрости как знания перво-причин и сущности дает Аристотель (Метафизика, 983 А 24–25; 995 В 10–13). Понятие Софии осмыслили Демокрит, Пифагор, Филолай, Прокл и многие другие эллинские мыслители.

Кроме античного влияния на формирование средневекового образа Софии существенное персонифицирующее воздействие оказала ветхозаветная мифологема Премудрости. В наиболее философичной части Библии, которую иногда называют «премудростной» (Книга Премудрости Соломона, Книга Притчей Соломоновых, Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, Екклезиаств)¹⁴, проступает менее абстрагированный в сравнении с греческим, более чувственно воспринимаемый, личностный, интимный (в духовно-возвышенном значении этого слова) облик Премудрости. Именно здесь возникает мотив обручения с мудростью, и связан он с юным Соломоном. Попросив у Бога во сне даровать ему «сердце разумное», юноша получает великий дар прозрения в суть вещей, понимание прекрасного и благого устройства бытия. Соломон воздвигает грандиозный Иерусалимский храм, который станет прообразом софийских храмов Средневековья. Его перу приписывают две премудростные книги, Песнь Песней, Екклесиаств, ряд других творений; с его именем связаны справедливые суды и чаша с таинственными письменами, содержащими пророчество о Христе¹⁵.

Подлинным гимном Мудрости звучат древние библейские строки:

Главное – мудрость: приобретай мудрость,
и всем именем твоим приобретай разум.
Высоко цени ее, и она возвысит тебя;
она прославит тебя, если ты прилепишься к ней;
возложит на голову твою прекрасный венок,
доставит тебе великолепный венец.

(Притч 4, 7–9).

Библейский царь Соломон стал олицетворением восточной мудрости в Средние века. На одной из ранних русских фресок начала XII в. в барабане центральной главы Новгородского Софийского собора Соломон изображен в царском облачении со свитком

в правой руке, где начертаны слова: «Премудрость създа себе храм и утврди стлѣп семь и посьла своя...»¹⁶. На сюжет построения Премудростью своего обиталища – дома или храма – создано немало произведений литературы и искусства, в том числе в Древней Руси. Они опираются на строки девятой главы той же книги:

Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,
заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила у себя трапезу;
послала слуг своих
провозгласить с возвышенностей городских:
Кто неразумен, обратись сюда!
И скудоумному она сказала:
Идите, ешьте хлеб мой
и пейте вино, мною растворенное;
оставьте неразумие,
и живите, и ходите путем разума.

(Притч 9, 1–6).

Образ духовной трапезы, созвучный платоновскому «Пиру», предстает как чувственно осязаемый пир души, с веселием насыщающейся незримыми благами. Мирской аспект этой сцены отходит на второй план, явственно же проступает сокровенный смысл причащения хлебом и вином высшей мудрости, который войдет в таинство Евхаристии, сложившееся под влиянием древнего восточного обычая преломления хлеба и вкушения вина, но в ином литургическом христианском смысле.

Почитание Мудрости как царствующей персоны, освященной свыше и причастной к самым сокровенным тайнам бытия, уходит своими истоками дальше на Восток. Верховное божество иранской мифологии Ахурамазда («Господствующая мудрость»), изображаемое в крылатом солнечном диске (напоминающем круги «славы» в древнерусской иконописи), имело 7 ангелообразных женственных божеств, среди которых выделяется Аша Вахишта – Истина, покровительница огня. Возможно, отсюда проистекает традиция изображения Св. Софии в иконописи с огненным ликом и огненными крыльями в новгородской иконографии. Становится ясным и то, почему Персидское государство в некоторых древнерусских источниках именуется как «Софийское»¹⁷.

На византийской почве в рамках христианской идеологии происходит соединение античного образа Софии, связанного с Афиной Палладой, и библейского образа Премудрости; складывается новая интерпретация одного из глубинных общечеловеческих архетипов – прекрасной, девственной, благоустраивающей, царственной Премудрости. В спорах с гностическими сектами, с арианами, с монофизитами выкристаллизовывалась византийская софиология. Она опиралась на труды Оригена, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника и других авторитетов.

Особенно важен вклад Дионисия Ареопагита в выработку восточнохристианского понимания Софии. Именно он убедительно обосновал необходимость добавления трансцендирующей приставки к имени Мудрости – «верх», «сверх», в старославянском языке – «пре». Мудрость человеческая и горняя Премудрость были ясно осознаны в своей соотнесенности. Перевод корпуса «Ареопагитик», законченный в 1371 г. иноком Исайей, появившись на Руси, стал одним из основных философско-эстетических и софиологических трактатов.

В опубликованном Г.М. Прохоровым «Послании Титу-иерарху» из корпуса «Ареопагитик» по сербскому списку XIV в., древнейшему из сохранившихся славянских (с комментариями Максима Исповедника), София Премудрость предстает промыслом совершенным, «иже бытию и благобытию всех виновнь, и на все проходить, и въ всячьских бывает, и объемлеть вса»¹⁸.

Сложна и разнообразна иконография Софии Премудрости. Сложна потому, что невозможно исчерпывающе выразить художественно-пластическими средствами столь непростой архетип. Старая проблема выражения идеального через материальное вновь предстает здесь во всей остроте. Разнообразен же лик Софии Премудрости в искусстве ввиду различных ее трактовок и отсутствия канонически утвержденного и нормативно закрепленного изображения (в отличие, скажем, от иконографических канонов Христа и Богородицы). Строгого канона в изображении Софии Премудрости не было ни в Византии, ни на Балканах, ни на Руси.

Согласно древним сказаниям, первое изображение в Константинопольском храме отразило отождествление ее с Логосом, Спасом, Иисусом Христом. Как сообщается в одном из наиболее ранних русских источников XII в.: «Оттоле же прият таковое на-

речение (о) церкви: (да) именуется святая София Слово Божие, нареченное от ангела Господня»¹⁹. София здесь была представлена в виде ангела Великого Совета, среднего в изображении ветхозаветной Троицы.

Ф.И.Буслаев считал это изображение сходным с лаконичным обликом Спаса Вседержителя на миниатюре лионской рукописи Психомахия Пруденция, содержащей изображение Христа с книгой в руке и надписью «Sancta Sophia»²⁰. Ангел, изображающий Софию, получил иконографические атрибуты Христа: царско-архиерейское облачение и кресчатый нимб, дабы выделить его среди иных. В несохранившейся росписи Золотой палаты Московского Кремля было изображение «Спаса на херувимах» с подписью «Премудрость ИС ХС». Показательно, что в ряде литературных памятников Новгородский и Полоцкий храмы в честь Премудрости называются мужским именем Софей, это, в частности, отразилось в наименовании софиологического сочинения Зиновия Отенского²¹.

Первой софийной иконой на Руси, возможно, стал древний образ новгородского храма византийского письма (из Корсуни) или написанный при построении каменного здания храма, но тоже «греческого перевода». Безусловно, какая-то софийная икона должна была иметься и в киевском храме, посвященном Софии Премудрости, но о ней не сохранилось никаких сведений, а стоящая сейчас в иконостасе икона Св. Софии Киевской относится ко времени Петра Могилы.

Именно Новгород стал центром софийной иконографии на Руси. Возрождение интереса к образу Св. Софии связано с деятельностью митрополита Макария, будущего главы русской церкви при Иване Грозном, известного своими культурно-просветительскими мероприятиями. Он сам был иконописцем и, возможно, принял участие в разработке композиции, называемой Новгородской Софией.

В законченном виде новгородский вариант иконы Св. Софии представляет собой усложненную и полную глубокого символического смысла композицию. В центре на престоле восседает в царском одеянии огненнолицый и огненнокрылый ангел с венцом на голове, жезлом в правой и свитком в левой руке. Ему предстоят (как в деисусном чине) слева Богородица с круглым медальон-

ным изображением Эммануила в руках и справа Иоанн Предтеча с хартией в левой руке и прижатой к груди правой. Темная со звездами иссиня-черная «слава», на фоне которой восседает София Премудрость Божия, придает ей космически-вселенский характер. Над главой ангела поясное изображение Христа, над ним шесть симметрично расположенных ангелов со «свитком неба» в руках, а между ними на уготованном престоле золотистого цвета книга с красным обрезаем²².

Иногда эта композиция дополняется припадающими к подножию престола фигурами новгородских святых Никиты и Иоанна, других новгородских святых в клеймах иконы, причем все они развернуты к центру композиции и стоят с воздетыми руками. Каждая деталь, особенно в изображении крылатого ангела, имеет свою символику, которая толкуется по одной из древнерусских рукописей таким образом: имеет над собой Христа, ибо Он «главо мудрости»; лик огненный потому, что огнем божественным опалает «страсти тленныя, просвещая же душу чисту»; венец царский означает, что «смиренная ... мудрость царствует страстем»; одеяние и скипетр знаменуют «образ старейшинства и святительства», «властелинский сан»; свиток «в шюйце» (левой руке), свернутый и прижатый к сердцу, содержит «неведомые съкровенные тайны, рекше преданная писания видети»²³. Весь образ пронизан вселенским, космическим смыслом.

Макарий, став митрополитом всея Руси, перенес новгородский культ Софии Премудрости на московскую почву. Ее изображение появляется во всех главных соборах Московского Кремля: икона в Благовещенском соборе, наружная фреска в полукружии закомары над жертвенником Успенского собора, фреска в алтаре Архангельского собора над горним местом. «Представляется не случайным то обстоятельство, что в Кремле три известные софийные изображения расположены в алтарной части храмов... где совершается главнейшее христианское таинство – Евхаристия»²⁴.

Шестнадцатый век в русской культуре стал временем наибольшего распространения образа Софии Премудрости на Руси. Не только в центре, но и по многим городам, селам, монастырям начинается распространение иконографии Софии Премудрости, строительство посвященных ей храмов, переписывание старых и создание новых софиологических литературных сочинений. Ког-

да Иван Грозный задумал перенести столицу на Север, в Вологду, он повелел выстроить грандиозный Софийский собор по образцу московского Успенского. В несохранившемся костромском кафедральном Успенском соборе были интересные росписи в притворе и на наружной стене алтаря с изображениями Софии Премудрости. В вологодской церкви Св. Георгия обнаружил икону Святой Софии известный искусствовед Г.Н.Лукомский²⁵. Эти примеры можно умножить, они свидетельствуют о широком распространении данного образа по всей территории России начиная с эпохи Ивана Грозного.

Кроме того варианта софийной иконографии, который принято называть новгородским, выделяют еще три: киевский, ярославский (холмогорский) и композицию «Премудрость созда себе дом». Если в новгородской иконографии София Премудрость предстает в образе крылатого ангела, то в киевской – как Богородица, в ярославской – как Церковь, а в последней композиции – как символическое изображение Евхаристии.

Киевская Св. София, изображение которой сохранилось в иконостасе, имеет сложную композицию, где многократно подчеркивается символическое значение семерицы. Богоматерь, в образе Оранты, стоит на полумесяце в центре кивория, символизирующего семистолпный храм, к которому ведут 7 ступеней с 7-ю стоящими на них пророками и святыми отцами и над которым в небесах проступают поясные фигуры 7 ангелов. В ярославской иконе вместо Богоматери изображен престол с распятием под киворием и несколько иная композиция, о которой можно судить по фреске церкви Иоанна Златоуста в Ярославле²⁶.

Если киевская и ярославская (иногда называемая «крестной») иконографии Св. Софии сравнительно поздние и малораспространенные, то композиция «Премудрость созда себе дом» является древней и известной по многим памятникам. (К слову сказать, киевская и ярославская иконы тоже могут трактоваться как разновидности этой композиции.)

Сюжет «Премудрость созда себе дом» пришел на Русь с Балкан, хотя и имеет какой-нибудь византийский прототип²⁷. Древнейшее из сохранившихся изображений относят к 1295 г., и представляет оно фреску в церкви Климента в Охриде. В нескольких сербских, македонских, болгарских храмах есть фрески на этот

сюжет. «Совершенно очевидна связь темы Премудрости с литургическими песнопениями и таинствами литургии»²⁸. Самое раннее древнерусское изображение 1363 г. имелось в церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода, разрушенной в годы последней войны. Одно из наиболее красочных и развернутых изображений данного сюжета присутствует в иконе конца XV в. из Кириллова монастыря возле Новгорода, хранящейся ныне в Государственной Третьяковской галерее²⁹.

Икона двухчастная. Внизу слева изображена Премудрость с восьмиконечным нимбом в белом хитоне, восседающая на семистолпном седалище с чашей, символом Евхаристии, в левой руке и жезлом в правой. Она обрамлена пятью кругами «славы». В правом верхнем углу сидящая Богоматерь с Младенцем. Между Премудростью и Богоматерью разворачивается динамическое действие: семь слуг, символизирующих апостольское служение, протягивают чаши семи устремляющимся к ним юношам. Вверху из храма свешивается фигура царя Соломона со свитком, справа ей противостоит Иоанн Дамаскин, также со свитком. Внизу – престол с «уготованной трапезой». В верхней части иконы помещено изображение монументального храма, где на фоне палат представлены 7 вселенских соборов. Над храмом семь кругов с ангелами, изображающими 7 духов пророка Исайи³⁰.

Заканчивая кратко рассмотрение иконографии Софии, следует заметить, что она воплощена не только во фресках, иконописи, миниатюрах, но также в мелкой пластике (костяной складень из Ипатьевского монастыря, деревянный образок из коллекции А.С.Уварова), шитье (хоругвь из Никитского храма в Новгороде, новгородская пелена в ГИМе), сфрагистике (изображение на печатях новгородских архиепископов). Возможны и другие воплощения возвышенного образа Софии Премудрости.

Многообразны памятники литературы и письменные источники, в той или иной степени посвященные теме Софии. Уже в составе Изборника 1073 года содержится статья Ипполита в редакции Анастасия Синаита, где истолковывается IX притча Соломона, положившая начало иконографии «Премудрость созда себе дом»³¹. Значение этого византийского источника подчеркнул А.Амман³². Притча и толкование на нее, известные в нескольких редакциях, привлекали внимание Климента Смолятича, Кирилла

Туровского, Иосифа Волоцкого, Зиновия Отенского, Иоанникия Лихуда, Семена Шаховского и многих других русских средневековых мыслителей и писателей. Эта же тема развивалась в гимнографических творениях, каковыми являются канон на великий четверг Косьмы Майюмского, пасхальный канон Иоанна Дамаскина, стихиры на преполовление, служба на начало индикта. В особом каноне, посвященном Св. Софии и хранившемся в одноименном московском храме, поставленном близ Пушечного двора, содержатся такие взволнованные строки: «Всем сердцем взыщем Премудрость ... Дар благ дает нам София ... и путем правым тещи наставляет нас, аще течем путем тем – не запнемся и сохраняем себе в живот вечный»³³.

Если же брать тему Премудрости во всех ее проявлениях и во множестве близких ей понятий, то редкий древнерусский автор в той или иной мере не касался Софии, ибо сам тип мышления и мировоззрения того времени содержал софийный элемент. С первых и до последних лет жизни человек соприкасался с образом Софии, в храме во время литургии перед ектенией он слышал возглас: «Премудрость вонмем» («внимаем Премудрости»). Совпадение же имени христианской святой мученицы Софии с именем Премудрости порождало ассоциативную связь имен трех дочерей – Веры, Надежды, Любви – с христианскими добродетелями³⁴.

Интересны многочисленные интерпретации Софии, ее атрибутов, связанных с ней имен и понятий в древнерусских лексикографических словарях, прежде всего в Азбуковниках, возникших не без влияния такого энциклопедически образованного филолога, богослова и философа, каким был Максим Грек³⁵. Существуют как краткие объяснения лексемы София: «София (греч.) – премудрость»³⁶, так и пространные, вроде истолкования новгородского варианта Софии³⁷.

И наконец, образ Софии имеет важное значение для понимания древнерусской философии и эстетики, ибо он в совершенных произведениях искусства выразил нерасторжимое единство мудрости и красоты. Тот вдохновенный платоновский эрос, который побуждал античную мысль стремиться к горнему знанию как высшему выражению прекрасного, проник через византийское посредничество на Русь и послужил мощным творческим импульсом в становлении древнерусской мудрости. Эта антисхоластическая

традиция глубоко укоренилась в отечественной культуре и создала развитые формы философствования, неотделимые от словесного и изобразительного искусства. Русская мысль наилучшим образом выражала себя в искусстве и литературе во все века. Эта тенденция эмоционально-эстетического понимания мудрости прослеживается и в европейской культуре, в частности в августицизме: «Мудрость отождествляется Августином с красотой и возводится в создатели как философии, так и науки “любви к прекрасному” – филокалии»³⁹.

При всей своей духовной утонченности образ Софии Премудрости являлся не отвлеченным символом, но одной из важных доминант социальной практики в древнерусском обществе. Храм Святой Софии Киевской был не только сакральным средоточием, палладиумом Древней Руси, но и ее общественно-политическим центром, ибо в нем происходили важнейшие государственные церемонии: прием послов, оглашение документов, обсуждение важнейших вопросов внутренней и внешней жизни. Новгородская Св. София выступала зримым символом независимости феодальной республики: «Где святая София, тут и Новгород». Группированный вокруг кафедрального собора «политический и хозяйственный комплекс», называемый «домом Св. Софии», играл роль организующего ядра всей общественной жизни средневекового Новгорода³⁰. Для укрепления политического единства Российского государства в XVI в. при Иване Грозном утверждается культ Софии Премудрости в Москве и потом централизованно распространяется по всей Руси. Строительство Софийского собора в Тобольске, ставшем центром русской колонизации в Западной Сибири, имело цель духовно-практического освоения новых земель, вошедших в состав расширившего свои пределы государства.

Тема Софии Премудрости, пройдя через всю историю допетровской Руси и получив разнообразные формы своего бытия на благодатной древнерусской почве, перешла впоследствии в отечественную культуру Нового времени. Она проступает в творчестве многих философов XVIII–XIX столетий. В начале XX в. вместе с интересом к древнерусской живописи и архитектуре усиливается интерес к теме Софии. Начинает издаваться специальный журнал «София»⁴⁰, создаются новые произведения искусства на тему Премудрости, например, колоритный образ Св. Софии новгородского

типа в иконостасе Троицкого собора Почаевской лавры, построенного архитектором А.В.Щусевым накануне Первой мировой войны. Сейчас вновь пробуждается интерес к теме Софии Премудрости, о чем свидетельствуют ряд публикаций последних лет и новые произведения сакрального искусства, ей посвященные⁴¹.

Примечания

- ¹ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 75. (Следует заметить, что св. Кирилл почитается с братом св. Мефодием и в католическом мире. Вместе со св. Бенедиктом Нурсийским он, согласно одной из папских энциклик, признается патроном всей христианской Европы).
- ² *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Пространни жития на Кирил и Методий. Т. 3. София, 1973.
- ³ Рукопись XV в. РГБ. Ф. МДА. № 19, л. 366.
- ⁴ III глава пространного жития Кирилла-Константина проанализирована итальянским славистом Анжело Данти в статье «Духовный путеводитель святого: от мудрости к Премудрости»: *Danti A. L'itinerario spirituale di un santo: dalla sagesza alla Sapienza. Note sul cap. III della vita Constantini* // Константин-Кирилл Философ. Материалы от научные конференции по случаю 1150-годишнина от рождението му. София, 1981. С. 37–58.
- ⁵ *Ševčenco J. The definition of philosophy in the Life of Saint Constantin* // For Roman Jacobson, essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956. P. 449–457.
- ⁶ *Александров А.И.* Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века. Варшава, 1893. С. 7.
- ⁷ *Епифаний Премудрый*. Повесть о Стефане Пермском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г.Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862. С. 151.
- ⁸ *Климент Охридский*. Похвала Кириллу Философу // *Ундольский В.М.* Климент епископ Словенский. М., 1895. С. 45.
- ⁹ *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М., 2010.
- ¹⁰ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 177.
- ¹¹ *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 97.
- ¹² Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 122. Красота как аргумент, как свидетельство, как высший довод занимает в русской традиции особое место. Если есть в мире тварная красота – значит, есть Творец ее; если есть «Святая Троица» Андрея Рублева – значит, есть Бог.
- ¹³ Теме Софии Премудрости посвящена обширная библиография, имеющаяся в исследованиях русских дореволюционных (Н.П.Кондаков, Ф.И.Буслаев, Е.Н.Трубецкой, П.А.Флоренский) и современных (А.В.Арциховский, В.Н.Лазарев, В.Г.Брюсова, С.С.Аверинцев), зарубежных (А.Амман, Л.Будде, Э.Вейцман, А.Грабар, О.Демус, Л.Прашков) исследователей.

- 14 См.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855. С. 9 (по особой статье, заимствованной из Вульгаты).
- 15 *Farber R. König Salomon in der Tradition.* Wien, 1902. О влиянии ветхозаветной премудростной традиции на новозаветную см.: *Lips H. von. Weisheitliche Traditionen im Neuen Testament.* Neukirchen, 1990.
- 16 *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 140–145.
- 17 Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878–1881. С. 333.
- 18 *Прохоров Г.М.* Послание Титу-иерарху Дионисия Ареопагита в славянском переводе и иконография «Премудрость созда себе дом» // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1985. С. 34.
- 19 Сказание о Святой Софии Цареградской // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 78. СПб., 1889. С. 13.
- 20 *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 296.
- 21 *Зиновий Отенский.* Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия // Вестн. о-ва древнерус. искусства. Вып. I. 1874.
- 22 Квалифицированное искусствоведческое описание иконы Св. Софии Новгородского извода XVI в. из собрания П.Д.Корина см. в кн.: *Антонова В.И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. С. 58 (№ 36).
- 23 Фрагмент «София Премудрость Божия» в рукописи XVII в. // ГИМ, Син., № 70/238, л. 406–406об.
- 24 *Яковлева А.И.* «Образ мира» в иконе София Премудрость Божия» // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 395. (В последнее время А.И.Яковлева выдвинула концепцию о более раннем происхождении так называемого Новгородского извода Софии Премудрости на московской почве и о его переносе в дальнейшем в Новгород.)
- 25 *Лукомский Г.К.* Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 108.
- 26 *Брюсова В.Г.* Фрески Ярославля XVII – начала XVIII века. М., 1983. С. 140.
- 27 *Meuendorff I.* L'iconographie de la Sagesse divine dans la tradition byzantine // Cahiers archeologiques. Paris, 1959. X. P. 273.
- 28 *Прашков Л.* Хрелева башня Рильского монастыря и ее стенопись // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 157.
- 29 *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи (Государственная Третьяковская галерея). Т. II. М., 1963. С. 25.
- 30 *Сидорова Т.А.* Вологодская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. // ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 213–214.
- 31 *Брюсова В.Г.* Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г. // Изборник Святослава 1073 года: Сб. ст. М., 1977. С. 292–306.
- 32 *Amman A.* Darstellung und Deutung der Sophia im vorpetrischen Russland // Orientalia Christiana periodica. Roma, 1938 (IV). P. 129–156.
- 33 *Флоренский П.* Служба Софии Премудрости Божией. Сергиев Посад, 1972. С. 8.

- ³⁴ Показательно объединение в одном произведении искусства – трехстворчатом складне начала XVII в. строгановских писем новгородского образа Софии и изображения Софии с дочерьми Верой, Надеждой, Любовью (*Антонова В.И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. № 66. С. 88–89).
- ³⁵ *Карпов А.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 219–220.
- ³⁶ Рукопись XVII в. // РГБ: Пискар., № 197. л. 135. Здесь же объясняется значение однокоренных лексем: «софос», «софее», «софист».
- ³⁷ Рукопись XVII в. // РНБ, Солов., № 20/30. л. 90 об. – 92 об.
- ³⁸ *Бычков В.В.* Эстетика Аврелия Августина. М., 1984. С. 49.
- ³⁹ *Тихомиров М.Н.* Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 185–199.
- ⁴⁰ «София» // Журнал искусства и литературы. М., 1914, № 1–6. Издавался К.Ф.Некрасовым под ред. П.П.Муратова.
- ⁴¹ *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007.